

Глава 4

Посольские донесения

Когда Петр перевез свой двор, правительство и знать из Москвы в Санкт-Петербург, то иностранные послы, аккредитованные при русском дворе, также оказались вынуждены переселиться на берега Невы. Многие из этих дипломатов оставили записки о своей службе в России. Среди них английский посол Уитворт, французский – Кампредон, Юст Юль из Дании и Берхгольц из Голштинии. Но наиболее полную картину последних лет петровского двора, увиденную глазами очевидца, удалось создать Фридриху Христиану Веберу, ганноверскому послу, чье описание придворной жизни Петербурга дополняет описание придворной жизни в Москве, составленное австрийцем Иоганном Корбом двадцатью годами раньше. Вебер приехал в Россию в 1714 году и семь лет провел в Петербурге, после чего вернулся домой и опубликовал свои пространные записки. Это был человек достойный, довольно восприимчивый, он восхищался Петром и интересовался всем, что видел, хотя далеко не все увиденное вызывало у него одобрение.

На первом же торжественном приеме, куда ему довелось попасть, флегматичному ганноверцу дали понять, какого рода качества требовались послу при царском дворе. «Едва я приехал, – начинает Вебер, – как адмирал Апраксин устроил великолепный прием для всего двора, и, по приказу Его царского Величества, я оказался приглашенным туда». Однако возле дверей у нового посла вышла неприятность с охранниками: «Они осыпали меня бранью, закрывали передо мной вход своими бердышами, а потом, совсем распоясавшись, спихнули с лестницы». И только благодаря вмешательству одного приятеля, Вебера, наконец, пустили. Он получил свой первый урок: «...Я сильно рисковал подвергаться подобному обхождению и в будущем, если не переменю своего простого, хотя и опрятного, платья на наряд, разукрашенный золотом и серебром, и не обзаведусь парой лакеев, которые станут ходить впереди меня и рывкать: „Разойдись!“ Скоро я осознал, что мне еще предстоит очень многому научиться. Проглотив за обедом дюжину полных до краев бокалов венгерского вина, я получил из рук князя-кесаря Ромодановского полную чару водки и, после того как меня заставили осушить ее двумя глотками, скоро лишился чувств, хотя успел утешить себя тем наблюдением, что остальные гости уже спали вповалку прямо на полу и не в состоянии были оценить мои скромные способности к пьянству».

В первые же дни достоинство Вебера подверглось и другим испытаниям: «Согласно обычаю всех благовоспитанных народов, я отправился выразить почтение высшим сановникам русского двора и заодно познакомиться с ними. Предупреждать о визите заранее здесь не принято... так что я был принужден дожидаться на холоде, чтобы его светлость вышел ко мне. Выслушав мое приветствие, он спросил, желаю ли я сказать еще что-нибудь, и после моего отрицательного ответа отпустил меня с такими словами: „Ну и мне тоже нечего вам сказать“. Я отважился нанести еще один визит, другому русскому. Но едва я упомянул мою страну, он перебил меня и заявил: „Я про такую страну знать ничего не знаю. Ступайте и обращайтесь к тем, к кому вас направили“. Это отбило у меня охоту наносить визиты, и я твердо решил никогда больше не ездить ни к кому из русских без приглашения, кроме тех чиновников, с которыми я имел дело и которые проявляли ко мне всяческую учтивость. Через неделю я встретил тех двоих сановных грубиянов при дворе. Увидев, что Его царское Величество довольно долго со мной беседовал и обращался ко мне весьма милостиво, а к тому же велел адмиралу Апраксину проследить, чтобы мне оказывали всяческое внимание, оба подошли ко мне и с самым жалким и униженным видом просили прощения за свою промашку, едва ли не падали ниц, и, желая меня задобрить, очень щедро угощали меня водкой».

Пока Петр с флотом был в отсутствии, его сестра царевна Наталья устроила пир, на котором у Вебера появилась еще одна возможность понаблюдать за русскими обычаями: «Тосты начинаются с самого начала застолья, пьют из больших чаш и кубков в форме колокола. На приемах для знати не подают никакого вина, кроме венгерского... Все

красавицы Петербурга явились на прием; к этому времени они уже носили французские платья, но казалось, чувствовали себя в них очень неловко, особенно в кринолинах, а их черные зубы явно свидетельствовали о том, что они еще не избавились от представления, столь прочно засевшего в мозгах старозаветных россиян, будто белые зубы пристали лишь арапам и обезьянам».

Обычай чернить зубы быстро исчез, и когда Вебер в 1721 году писал свои записки, он уверял читателей, что эта и другие допотопные привычки московитов «с тех пор ушли так далеко, что иностранец, попавший в благовоспитанное петербургское общество, едва ли поверит, что он в России, но сочтет скорее – пока с ним не заговорят, – что оказался в самом сердце Лондона или Парижа».

Среди своих собратьев-послов в Петербурге Вебер особенно заинтересовался представителями калмыцких и узбекских ханов. Он вспоминал, что как-то утром «удостоился чести встретиться в Посольской канцелярии с послом хана калмыков. Это был человек устрашающей и свирепой наружности. По обычаю этого народа, голова его была обрита вся, кроме пряди волос, свисавшей с макушки до шеи. Он вручил от имени своего повелителя, который одновременно является царским вассалом, свиток бумаги. Затем он бросился на землю и долго что-то бормотал сквозь зубы. Когда его приветствие перевели великому канцлеру Головкину, он дал следующий краткий ответ: „Это очень хорошо“. По окончании церемонии к послу вернулся его свирепый вид».

Позже в том же 1714 году от калмыцкого хана прибыл еще один посол со странным поручением. Как писал Вебер, незадолго до этого князь Меншиков «преподнес хану в подарок красивый экипаж английской работы. Теперь одно из колес сломалось, и посла направили к князю с просьбой выделить новое колесо. Калмыцкий посол рассказывал нам, что его господин давал аудиенции посланникам соседних владык, сидя в этой карете, а по торжественным дням в ней обедал».

17 мая 1714 года в Петербург прибыл посол от узбекского хана. В числе поручений, возложенных на него, было предложение от хана к царю «предоставить царским караванам, ежегодно направляющимся в Китай, право следовать через его владения. Это давало невероятные преимущества, ведь прежде караваны были вынуждены добираться в Пекин с большими неудобствами, в течение целого года, через всю Сибирь, следуя всем поворотам и изгибам рек, поскольку наезженной дороги не было, тогда как через владения его повелителя, по хорошей дороге, они могли бы добраться туда за четыре месяца.

В заключение он положил к ногам царя множество шелков и других китайских и персидских товаров и редких мехов и добавил, что он оставляет в Москве несколько персидских скакунов и хищных животных и сокрушался, что в дороге умерли великолепный леопард и обезьяна. Царя он называл не иначе как „мудрый император“, что у них служит знаком высочайшего почтения. Посол был... лет пятидесяти, казался человеком живого нрава, хотя и почтенной наружности. Он носил длинную бороду, а на тюрбане красовалось страусовое перо, что, как он пояснил, позволялось только принцам и представителям высшей знати».

А вот как Вебер описывает Пасху, главный религиозный праздник в России: «Праздник Пасхи отмечался с особой пышностью, и русские щедро вознаграждали себя за суровое и неукоснительное соблюдение трезвости, в которой они пребывают в течение предшествующего Пасхе Великого поста. В эти дни их ликование, а точнее безумие, невозможно передать; они убеждены, что, если человек не напился допьяна с десятков раз, значит, он не отметил Пасху как подобает. Их церковные певчие не менее сумасбродны, чем все остальные, так что я не слишком удивился, увидев, как две компании певчих поссорились между собой в трактире – дошло до драки, и они так яростно отхаживали друг друга колющими, что некоторые успели отправиться на тот свет. Самый же удивительный ритуал праздника состоит в том, что россияне обоего пола, расцеловавшись, дарят друг другу раскрашенные яйца, причем один говорит: „Христос воскрес!“ – а другой отвечает: „Воистину воскрес!“, после чего расходятся. По этой причине можно видеть, как многие

люди, особенно иностранцы, которые рады случаю поцеловать женщину, целыми днями слоняются взад-вперед с пасхальными яйцами».

* * *

В петровское время по всей Европе высоко ценились карлики и великаны, служившие своего рода экзотическим украшением при дворах королей и вельмож. Прусский король Фридрих Вильгельм собрал у себя чуть не всех великанов Европы, но и Петр держал у себя Никола Буржуа, гиганта семи футов двух дюймов, которого он отыскал в Кале. Долгие годы Никола стоял позади Петра, когда тот сидел за столом, а в 1720 году царь женил его на великанше-финке в надежде вывести гигантское потомство. Но Петра постигло разочарование: пара осталась бездетной.

Карлики распределялись по Европе более равномерно. Любая испанская инфанта всегда появлялась в сопровождении придворной карлицы, которая должна была выгодно оттенить красоту своей госпожи. В Вене у императора Карла VI был знаменитый карлик-еврей, Якоб Рис, выступавший в роли неофициального советника при императорском дворе. Чаше же карликов держали с той же целью, что и домашних любимцев – животных, ведь они с их ужимками и потешной внешностью были еще забавнее, чем говорящие попугаи или собачки, выученные стоять на задних лапках. В России карлики ценились особо. Каждый вельможа желал иметь карлика – как символ своего положения или просто как игрушку для жены, и среди знати шла усиленная борьба, чтобы заполучить их. Появление на свет карлика считалось удачей, и карлики, рожденные крепостными, часто получали свободу. Чтобы развести у себя побольше карликов, их старались женить между собой, рассчитывая, что супруги-лилипуты произведут на свет таких же детей.

Карлик, и тем более пара карликов, считались очень щедрым подарком. В 1708 году князь Меншиков, завзятый любитель карликов, писал своей жене: «Послал я к вам ныне в презент двух шляхтянок-девок, из которых одна маленькая, может вам за попугая быть: такая словесница, какой еще из таких младенцев мало видал, и может вас больше увеселить, нежели попугай». В 1716 году Меншиков зывал к Петру: «Понеже у одной моей дочери карлица есть, а у другой нет, того ради просим вас благовремение Ее величеству государыне царице доложить, дабы из карлиц, которые остались после царицы Марфы Матвеевны, изволила определить мне указом одну карлицу взять».

Петр тоже очень любил карликов. Они окружали его на протяжении всей жизни. Ребенком он ходил в церковь между двумя рядами карликов, которые несли красные шелковые полотнища, закрывавшие его от любопытных глаз. Став царем, он держал при дворе большой штат карликов, которые увеселяли государя, а в отдельных случаях исполняли важные поручения. На пиршествах карлика сажали в середину огромного пирога, и когда Петр разрезал тесто, тот неожиданно выскакивал наружу. Ему нравилось привлекать этих странных человечков к своим любимым потешным церемониям. Свадьбы и даже похороны карликов, пародировавшие торжественные церемонии его собственного двора, до того смешили Петра, что слезы градом катились из его глаз.

В 1710 году, через два дня после свадьбы племянницы Петра Анны и герцога Курляндского Фридриха Вильгельма, праздновали свадьбу карликов, в точности повторяя церемонию бракосочетания королевских особ, и с той же пышностью. Вебер описал этот праздник, на который собрались семьдесят два карлика, со слов очевидцев: «Совсем крохотный карлик шествовал впереди процессии, изображая обер-церемониймейстера... и хозяина празднества. За ним шли невеста и жених, оба нарядно одетые. Далее царь в сопровождении министров, князей, бояр, офицеров и проч.; за ним парами вышагивали карлики обоих полов. Их было всего семьдесят два – некоторые состояли на службе у царя, вдовствующей царицы, князя и княгини Меншиковых и у других знатных особ, а остальных прислали со всех концов России, даже из самых отдаленных мест. В церкви священник громким голосом спросил жениха, согласен ли он взять в жены свою невесту. Тот так же

громко отвечал, обращаясь к своей возлюбленной: „Тебя и никого боле“. Когда невесту спросили, не обещала ли она выйти замуж за кого-нибудь, кроме своего жениха, та отвечала: „Вот было бы славно!“ Но когда дошло до главного вопроса, хочет ли она выйти замуж за своего жениха, она проговорила свое „да“ так тихо, что едва можно было расслышать, и это вызвало немалый смех всей компании. Царь, в знак своей особой милости, с видимым удовольствием держал венец над головой невесты, как требует русский обычай. Когда венчание закончилось, все по воде отправились во дворец князя Меншикова. Обед был подан в просторном зале, где за два дня до этого царь угощал приглашенных на свадьбу герцога [Голштинского]. Посреди зала поставили несколько маленьких столиков для новобрачных и остальных карликов, которые все были разодеты на германский манер... После обеда карлики принялись танцевать русские танцы, и это продолжалось до одиннадцати вечера. Легко вообразить, как царь и остальные радовались смешным прыжкам, причудливым гримасам и странным ужимкам этой толпы пигмеев, большинство из которых такого роста, что это само по себе могло вызвать смех. У одного был высокий горб и коротенькие ножки, другой выделялся чудовищно раздутым брюхом, третий вперевалку ковылял на кривых ногах, точно барсук, у четвертого была огромная голова; у некоторых были кривые рты и длинные уши, маленькие пороссячи глазки и толстые щеки – словом, комических физиономий там хватало. Когда эти увеселения окончились, новобрачных отнесли в дом к царю и уложили в его собственной спальне».

Возможно, собственный ненормально высокий рост развил в царе эту склонность тешиться людским уродством. Так или иначе, она распространялась не только на гигантов и карликов, но вообще на всех, кто имел физические недостатки или страдал от старости или болезни. Например, 27 и 28 января 1715 года весь двор участвовал в двухдневном маскараде, приготовления к которому длились три месяца. Поводом послужила свадьба Никиты Зотова, который сорок лет назад был наставником Петра, потом исполнял роль князя-папы, а теперь ему шел восемьдесят четвертый год. Невестой была пышнотелая тридцатичетырехлетняя вдова.

«Свадьбу этой необычной четы почтил своим присутствием весь двор в карнавальных масках, – сообщал Вебер. – Те четверо, которым было поручено принимать гостей, оказались самыми страшными заиками, каких удалось сыскать в России. Дряхлых стариков, неспособных ни ходить, ни стоять, избрали на роль шаферов, слуг и стольников. Было там и четверо ливрейных лакеев – крайне неуклюжие малые, всю жизнь страдавшие подагрой, такие тучные и обрюзгшие, что их самих приходилось водить под руки. Московский потешный князь-кесарь, представлявший царя Давида в соответствующем наряде, вместо арфы держал лиру, покрытую медвежьей шкурой, на которой должен был играть. Его везли на импровизированном помосте, поставленном на салазки, а к каждому из его четырех углов было привязано по медведю. Специально приставленные молодцы кололи медведей стрелками, и те издавали ужасающий рев, который вливался в беспорядочный оглушительный шум, производимый дудящими не в лад инструментами прочей компании. Царь был одет фрисландским простолюдином и вместе с тремя генералами ловко бил в барабан. Таким образом, под звон колоколов маски препроводили неравную пару к алтарю большой церкви, где их соединил узами брака столетний священник, давно потерявший зрение и память. Дабы восполнить эти недостатки, на нос ему надели очки, зажгли перед глазами две свечи и кричали ему в ухо нужные слова, чтобы он мог их повторять. Из церкви процессия отправилась в царский дворец, где увеселения продолжались несколько дней».

Конечно, мемуары Вебера не ограничиваются описанием персонажей и нравов петровского двора. Он был очарован Россией и русским народом. Ему нравилась спокойная терпеливость простых людей, но в то же время его часто коробило от того, что он называл их «варварскими обычаями». В приводимом ниже описании русской бани к изумлению примешивается оттенок восхищения. (Впрочем, Вебер забыл упомянуть, что благодаря привычке русских раз в неделю обязательно мыться в бане, они были в массе куда чище большинства европейцев, которые иногда ходили немытыми неделями и месяцами.)

«Русский способ мыться, используемый как универсальное средство против любого недуга, включает четыре различных вида, и каждый выбирает тот, который считает подходящим именно для своей хворобы.

Некоторые садятся голышом в лодку и усиленно гребут, вгоняя себя в страшный пот, потом вдруг бросаются в реку и, поплавав некоторое время, выходят и либо обсыхают на солнце, либо вытираются собственной рубахой. Другие прыгают в воду не разогревшись, а потом ложатся на землю возле костра, который они разводят на берегу, все тело натирают маслом или салом и поворачиваются у огня до тех пор, пока оно не впитается. По их мнению, это делает суставы подвижными и гибкими.

Больше других в ходу третий способ: вдоль речушки строят более тридцати бань, одна половина для мужчин, другая для женщин. Те, кто собираются помыться, раздеваются под открытым небом и вбегают в баню. Хорошенько вспотев и окатив себя холодной водой, они выходят на воздух освежиться и побегать по прибрежным кустам наперегонки. Удивительно видеть, что не только мужчины, но и женщины, как незамужние, так и замужние... бегают толпой в 40–50 человек, а то и больше, совершенно голые, без малейшего смущения или мысли о благопристойности, настолько далекие от стыда перед прохожими, оказавшимися поблизости, что еще и смеются над ними. Все русские, и мужчины, и женщины, моются таким образом зимой и летом по крайней мере дважды в неделю. Они платят копейку с человека, так как бани принадлежат царю. Те, у кого баня имеется в доме, ежегодно платят какую-то пошлину; такое поголовное мытье по всей России приносит солидные доходы в царскую казну.

Есть и четвертый способ, который считается самым могучим средством от тяжелейших болезней. Сперва топят русскую печь, как обычно, а когда жар немного спадет (но еще так горячо, что я не продержал руки на поду и четверти минуты), то примерно пять-шесть человек забираются в нее и вытягиваются во весь рост, а их помощник закрывает снаружи топку так плотно, что те, внутри, едва могут дышать. Когда терпеть больше нет сил, они кричат, и тогда стоящий снаружи выпускает больных из печки; немного подышав свежим воздухом, они опять лезут в печь и повторяют эту процедуру, пока почти совсем не изжарятся. Тогда они вылезают, причем тела их приобретают цвет кумача, и бросаются летом в воду, а зимой – что они любят больше всего – в снег, в который зарываются целиком, оставив только нос и глаза, и лежат так, погребенные, часа два-три, в зависимости от болезни. Они верят, что это отличный способ поправить свое здоровье»⁶.

Видел Вебер русских и за спортивными играми, и на отдыхе. На большом травянистом поле на левом берегу Невы собирались по воскресеньям в послеобеденное время, выпив изрядно в кабаке, крестьяне, работники и простой люд всякого звания. Мужчины и юноши разбивались на команды для шуточных кулачных боев, сопровождавшихся дикими криками. Иностранцев ужасали эти пьяные свалки в пыли и грязи, и они сообщали, что по окончании битвы «земля бывает покрыта кровью и волосами, а многих приходится уносить».

В разгаре лета в Петербурге бывало невыносимо жарко; даже в недолгие ночные часы, когда солнце исчезало за горизонтом, воздух не становился по-настоящему прохладным. Некоторые русские искали спасения в пиве. Большинству иностранцев достаточно было один-единственный раз наведаться в русскую пивную и взглянуть, как разливают пиво, чтобы навсегда отвратиться от этого напитка. Вебер описал для нас эту сцену: «Пиво стоит здесь в открытой бочке или кадке, возле которой толпится простолюдие; они зачерпывают пиво деревянным ковшом и пьют прямо над бочкой, так что если оно случайно польется мимо рта, то стечет по бороде и опять попадет в бочку. Если у посетителя не оказывается при себе денег, он оставляет меховой тулуп, рубаху, пару онучей или какую-нибудь другую часть своего гардероба в заклад до вечера, когда он получает деньги за работу. Все эти грязные заклады развешиваются по краям бочки, и никто не обратит особенного внимания,

⁶ Тема русской бани – излюбленная для иностранных мемуаристов всех времен. Насколько изложение Вебера соответствует действительности, сказать затруднительно. – *Примеч. ред.*

если даже их ненароком столкнут и они немного поплавают в пиве».

В то время как его подданные тузили друг друга в кулачных боях или освежались пивом, любимым летним развлечением Петра были прогулки под парусом по Финскому заливу. Иногда, отплывая в Кронштадт или Петергоф, он приглашал с собой иностранных послов. Веберово описание одной такой поездки ярко живописует, каково было провести день-другой за городом в качестве гостя Петра Великого: «9 июня 1715 года царь поехал в Кронштадт, куда отправились и мы на галере, но вследствие сильного шторма принуждены были простоять на якоре под открытым небом два дня и две ночи без огня, без постелей, без еды и питья. Когда наконец мы добрались до Кронштадта, царь пригласил нас к себе на виллу в Петергоф. Ветер нам благоприятствовал; за обедом в Петергофе мы до того разогрелись старым венгерским вином, хотя Его Величество соблюдал меру, что, встав из-за стола, едва держались на ногах, и когда каждому пришлось осушить еще по чаше величиною в кварту из собственных рук царицы, все попадали без чувств, и в таком состоянии нас выволокли на улицу и отнесли в разные места – кого в сад, кого в лес, а остальные валялись на земле неподалеку от дворца.

В четыре часа пополудни нас разбудили и опять пригласили в летний домик, где царь вручил каждому по топору и велел следовать за ним. Он привел нас в молодой лес, показал, какие деревья надо срубить, чтобы получилась аллея, ведущая прямо к морю, длиною шагов в сто, и сказал, чтобы мы валили деревья. Сам он тут же принялся за работу (нас кроме царя было семь человек), и, хотя нам было не совсем по вкусу это непривычное дело, особенно когда мы еще и наполовину не протрезвились, все же мы с усердием взялись за работу, и часа через три аллея была готова, а винные пары полностью улетучились. Никто из нас не поранился, кроме одного посла, который рубил деревья с такой яростью, что одно из них, падая, задело его – он упал и сильно ободрался. После слов благодарности последовала настоящая награда – за ужином нас опять напоили, да так крепко, что по кроватям разносили в полном бесчувствии.

Едва нам удалось проспять часа полтора, как в полночь явился царский фаворит, вытащил нас из постелей и поволок, хочешь не хочешь, в спальню одного черкесского князя, который спал там со своей женой, и возле их кровати нас опять так накачали вином и водкой, что на завтра никто из нас не помнил, как попал к себе.

В восемь утра нас пригласили во дворец на завтрак, состоявший, вместо кофе или чая, которых мы ожидали, из хорошей чарки водки. Потом нас отвели к подножию небольшого холмика, заставили сесть на восемь деревянных кляч без седел и стремян и разъезжать целый час на глазах Их Величеств, которые смотрели на нас из открытого окна. Кавалькаду возглавлял один русский вельможа. Прутьями и палками мы изо всех сил погоняли наших кляч в гору. Прогулявшись часок по лесу и от души освежившись несколькими глотками воды, мы попали на четвертую попойку, приуроченную к обеду.

Дул сильный ветер, поэтому нас посадили на закрытую царскую яхту; царица с фрейлиной заняли каюту, а царь стоял с нами на палубе и уверял, что несмотря на сильный ветер мы будем в Кронштадте к четырем часам. Но после того как нас два часа протаскало взад-вперед, мы попали в такой жуткий шквал, что царь, оставив все свои шутки, сам взялся за руль и в опасности проявил не только свое великое умение управлять кораблем, но и необычайную телесную силу и неустрашимый дух. Царицу уложили на высокие скамьи в каюте – пол затопило, так как волны перехлестывали через судно и лил проливной дождь, – но в этих опасных обстоятельствах она тоже показала большое мужество и решимость.

Мы все предалися на волю Всевышнего и утешались мыслью, что пойдем на дно в таком благородном обществе. Все последствия пьянства быстро испарились, и мы преисполнились покаянных мыслей. Четыре маленьких лодки, на которых плыли приближенные царицы и наши слуги, раскидало волнами и прибило к берегу. Наша яхта, прочная и с опытной командой, через семь часов опасного плавания достигла-таки Кронштадта, где царь расстался с нами, сказав: „Спокойной вам ночи, господа. Шутка зашла слишком далеко“.

На следующее утро у царя сделался жар. Мы же, насквозь мокрые после стольких часов, проведенных по пояс в воде, поспешили сойти на берег. Но достать сухую одежду или постель мы не смогли, наш багаж уплыл в другую сторону, так что мы развели костер, разделись догола и обернули свои тела выпрошенными у крестьян грубыми рогожами, которыми накрывают сани. Так мы провели ночь, греясь у костра, рассуждали, морализировали и делились печальными мыслями о невзгодах и превратностях человеческой жизни.

16 июля царь с флотом вышел в море, чего нам увидеть не довелось, так как все мы слегли с простудой и другими недугами».